

Роза Люксембург

В. Короленко

Роза Люксембург

В. Короленко

«Public Domain»

1918

Люксембург Р.

В. Короленко / Р. Люксембург — «Public Domain», 1918

«„Моя душа, принадлежавшая трем национальностям, нашла, наконец, свою родину; то была прежде всего русская литература“, говорит Короленко в своих воспоминаниях. История же этой литературы, которая сделалась для Короленко отечеством, родиной и родной национальностью – так же, как он сам составляет украшение ее, – представляет единственное в своем роде явление...»

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Роза Люксембург В. Короленко (По поводу «Истории моего современника»).

1

«Моя душа, принадлежавшая трем национальностям, нашла, наконец, свою родину; то была прежде всего русская литература», говорит Короленко в своих воспоминаниях. История же этой литературы, которая сделалась для Короленко отечеством, родиной и родной национальностью – так же, как он сам составляет украшение ее, – представляет единственное в своем роде явление.

В течение многих столетий, на протяжении средних веков и новой истории до последней трети восемнадцатого века, в России царила мрачная ночь, кладбищенская тишина, варварство. Не существовало ни образованного литературного языка, ни собственного стихосложения, ни какой-либо научной литературы, ни книжной торговли, ни библиотек, ни журналов; не было никаких центров духовной жизни. Гольфстрем Возрождения, омывший берега всех европейских стран, создавая в них точно волшебной силой цветущий сад мировой литературы, встряхнувшие мир бури Реформации, пламенное дыхание философии восемнадцатого века – все это пронеслось, не затронув Россию. Царская империя еще не обладала никакими органами для уловления световых лучей западной культуры; не было вспаханной духовной почвы, на которой могли бы возрасти зародыши этой культуры. Очень немногочисленные литературные памятники тех времен производят теперь своим странным уродством такое же впечатление как произведения искусства Соломоновых островов или Новых Гебрид; между ними и искусством Запада не существует, по-видимому, никакого духовного родства, никакой внутренней связи.

А затем произошло нечто вроде чуда. После нескольких робких попыток создать национальное духовное движение в конце восемнадцатого века, наполеоновские войны зажгли, как молния, духовную жизнь России. Это вызвано было, с одной стороны, глубочайшим поражением России, впервые пробудившим национальное самосознание в царской империи, а затем победами коалиции: русская интеллигентная молодежь проникла в результате этих побед на Запад, в Париж, в сердце европейской культуры и пришла в соприкосновение с новым миром.

Точно в одну ночь расцвела вдруг русская литература, и предстала перед миром завершенная, в сверкающем вооружении, точно Минерва, вышедшая из головы Юпитера, являя самобытную национальную художественную форму, язык, совмещающий благозвучие итальянского с мужественной силой английского и благородством, как и глубокомыслием немецкого, бьющее через край богатство талантов, сверкающей красоты, мыслей и ощущений.

Длинная темная ночь, кладбищенская тишина была только кажущейся, только обманом зрения. Лучи света, проникавшие с Запада, сохранились в виде сокрытой силы, зародыши культуры ждали в земле благоприятного момента, чтобы пустить ростки. Русская литература выступила сразу, как бесспорный член европейской литературы; в жилах ее текла кровь Данте, Раблэ, Шекспира, Байрона, Лессинга, Гете. Она нагнала львиным прыжком пропущенное за сто лет и вступила равноправным членом в семейный круг западной литературы.

До чего изумителен такой ритм в истории русской литературы и какую изумительную аналогию с ним представляет новейшее политическое движение России! Это, действительно, способно сбить с толку некоторых наивных доктринеров.

Самое характерное в столь внезапно возникшей русской литературе то, что она порождена была оппозицией против существовавшего строя, проникнута была боевым духом. Это

было ее отличительным знаком в течение всего девятнадцатого века. Этим и объясняется богатство и глубина ее духовного содержания, завершенность и своеобразность ее художественной формы и в особенности ее творческая и движущая общественная сила. Ни в какой другой стране и ни в какую другую эпоху литература не была такой общественной силой, как русская литература в эпоху царизма, и она оставалась на этом своем посту в течение целого века, пока ее не сменила реальная сила народных масс, пока слово не претворилось в плоть. Литература, художественная литература, завоевала в полуазиатской деспотической стране место в мировой культуре, пробила китайскую стену, воздвигнутую абсолютизмом, перекинула мост на Запад, и явилась туда не только с тем, чтобы брать, но и чтобы давать, не только ученицей, но и учительницей. Достаточно назвать только три имени: Толстой, Гоголь, Достоевский.

В своих воспоминаниях Короленко характеризует своего отца, чиновника крепостного времени в России, как типичного представителя психологии честных людей того поколения. Отец Короленко чувствовал себя ответственным только за свои личные поступки. Мучительное чувство ответственности за общественное зло было ему чуждо. «Бог, царь и закон» стояли в его глазах выше всякой критики. В качестве окружного судьи он считал себя призванным только к тому, чтобы применять законы с величайшей добросовестностью.

Для поколения 40-х и 50-х годов общественные условия, как целое, относились к области стихийного, незыблемого. Не зная сопротивления среда умела только гнуться под карающими ударами властей, – как под напором вихря, выжидая, когда пройдет непогода, надеясь, что она пройдет. Да, – говорит Короленко, – это было цельное настроение, род устойчивого равновесия совести. Внутренние их устои и не колебались анализом, и честные люди того времени не знали глубокого душевного разлада, вытекающего из сознания личной ответственности за «весь порядок вещей». Только такое мирозерцание является, по его мнению, подлинной основой правления божьей милостью, – только пока еще незыблемо держится такое мирозерцание – велика и сила абсолютизма.

Было бы ошибкой считать обрисованную Короленко в таких чертах психологию исключительно русской или непременно связанной с порой крепостничества. И при самых разнообразных политических и социальных формах правления может существовать такое настроение общества, чуждое грызущего самоанализа и внутреннего раздвоения, когда люди ощущают «установленную богом зависимость», как нечто стихийное, и принимают исторические условия, как решения небесной воли, за которые люди столь же неответственны, как за то, что молния убивает иногда невинного ребенка. Такое настроение наблюдается даже и при современных условиях; особенно же полно дало оно себя знать в психологии немецкого общества в течение всего времени мировой войны.

В России такое «незыблемое равновесие совести» стало расшатываться в широких кругах интеллигенции уже в шестидесятых годах. Короленко очень наглядно изображает духовный переворот русского общества того времени и показывает, как именно его поколение преодолело «крепостническую» психологию и охвачено было новым течением. «Особенностью этого течения и был разъедающий, мучительный, но вместе с тем и творческий дух общественной ответственности».

Пробуждение в русском обществе высокого гражданского духа, подточившего глубочайшие психологические корни абсолютизма, является заслугой русской литературы. Она со своей стороны никогда, с самого начала своей деятельности, с начала девятнадцатого столетия, не отрекалась от общественной ответственности, не забывала разъедающий, мучительный дух общественной критики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.